ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕНТЯБРЬ.

1863.

(ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.)

ЧАСТЬ CXIX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1863.

IV.

НАУКИ.

О НѢКОТОРЫХЪ ФОНЕТИЧЕСКИХЪ И ГРАММАТИЧЕСКИХЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ ЮЖНОРУССКАГО (МАЛОРУССКАГО) ЯЗЫКА, НЕ СХОДНЫХЪ СЪ ВЕЛИКОРУССКИМЪ И ПОЛЬСКИМЪ.

Враги Малорусской письменности проводятъ, между прочимъ, мысль, будто бы Малорусская рѣчь не только не можетъ назваться языкомъ, но даже нарѣчіемъ, — что это случайная неорганическая смѣсь русскаго языка съ польскимъ, происшедшая отъ долговременнаго пребыванія края подъ властію Польши. Одинъ публицистъ выразился между прочимъ, что малоруссамъ не слѣдуетъ беречь эту примѣсь, какъ памятникъ ненавистнаго для нихъ господства надъ ними поляковъ.

Тѣ, которые заявляютъ подобныя мнѣнія, основываются на признакахъ совершенно внѣшнихъ. Слыша нѣкоторыя слова, сходныя съ польскими, они приходятъ къ такому заключенію потому, что не хотятъ вникнуть въ законы построенія языка и соотношеніе его съ другими славянскими нарѣчіями. Не такъ смотрятъ на него тѣ, которые хотѣли научнымъ путемъ разрѣшить этотъ вопросъ. Миклоцичъ, первый славянскій филологъ нашего времени, изучившій глубоко сродство славянскихъ нарѣчій, говоритъ: indem ich die Sprachen nach der Nähe ihrer Verwandschaft an einander reihe, behandle ich dann das Kleinrussische, das auf dem Gebiete der Wissenschaft, wie die Untersuchung selbst darthut, als eine *selbständige Sprache* und nicht als ein Dialect des grossrussischen anzusehen ist.

Какъ въ авторитетѣ, такъ и въ безпристрастіи съ этой стороны знаменитаго автора единственной сравнительной грамматики сла-

вянскихъ нарѣчій, никто сомнѣваться не станетъ. Другой филологъ, великоруссъ и не только чуждый всякаго пристрастія къ малоруссамъ и ихъ языку, но вступившій, по своимъ мнѣніямъ, въ противорѣчіе съ южнорусскимъ органомъ «Основою», профессоръ Лавровскій, въ своей статьѣ «Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго, сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями» выразился, что «черты этого нарѣчія даютъ ему неоспоримое право на такое же самостоятельное мѣсто, какое занимаютъ и другія славянскія нарѣчія». Вопреки голословному мнѣнію тѣхъ, которые думаютъ видѣть въ немъ смѣсь русскаго съ польскимъ, этотъ филологъ, напротивъ, путемъ филологическихъ изслѣдованій его конструкціи находитъ въ немъ близость прежде всего съ великорусскимъ, а потомъ съ сербскимъ и хорутанскимъ (по нашему мнѣнію, онъ ближе къ словацкому).

Руководствуясь тѣмъ, что́ до-сихъ-поръ въ этомъ родѣ сдѣлала наука, и дополняя ея результаты собственными наблюденіями, изложимъ здѣсь нѣкоторыя особенности этого славянскаго нарѣчія, которыя составляютъ его исключительную принадлежность и не свойственны ни великорусскому, ни польскому. При этомъ, будемъ употреблять орѳографію принятую въ настоящее время всѣми пишущими по малорусски, именно: означая твердое *и* знакомъ *и*, а мягкое знакомъ *i*, твердое *е* знакомъ *е*, а мягкое — *є*, а звукъ *ё* знакомъ *іо*. Признаки эти, сколько можно припомнить и собрать, слѣдующіе:

Предъіотированіе звука *я* послѣ губныхъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ былъ старославянскій ѫ (юсъ), какъ, напримѣръ, въ словахъ: *мъясо*, *пъять*, *въялий*, *мъяко*, и въ окончаніяхъ словъ, напримѣръ: имъя, плімъя, тімъя, и проч.

Измѣненіе буквъ *о* и *е* въ большей части случаевъ въ *i*; напримѣръ: вілъ, кітъ, кінь, шість, вісімъ, ве́чіръ, ка́мінь; въ словахъ же, гдѣ въ старославянскомъ не было *о*, но *ъ*, эта гласная не переходитъ въ *i*; напримѣръ: вовкъ, лобъ, жо́втий. Въ тѣхъ уменьшительныхъ и другихъ производныхъ формахъ, которыя дѣлаются отъ словъ, гдѣ *о* и *е* не перемѣняются, эти гласныя тоже измѣняются въ *i*; напримѣръ: сирота уменьшительное — сиріткa, брова́, уменьшительное — брівка и проч.

Произношеніе буквы *и* среднимъ звукомъ между *и* и *ы*, какъ итальянское *i*, а также и буквы *ы* одинаково съ *и* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эта буква является въ славянскихъ словахъ.

Произношеніе буквы *ѣ* какъ мягкое *і* повсюду.

Измѣненіе *е* въ *о* послѣ буквъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, напримѣръ: чоловікъ, жона́, и проч. чоло, чотирі, шостий.

Измѣненіе *о* въ *у*, напримѣръ въ глаголахъ, оканчивающихся на *овати*: ночува́ти, цілувати, и проч.

Переходъ славянскаго *юса* не только въ *у*, какѣ въ великорусскомъ, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ твердое *и* и мягкое *і*, напримѣръ: дібро́ва, заміжъ, глибокий и проч.

Взаимный переходъ *е* въ *іо* во множествѣ случаевъ, напримѣръ: іому, по́лемъ и поліомъ, у Киеві и у Киіові.

Перемѣна *ѣ* въ *іо* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эта старославянская буква въ великорусскомъ языкѣ измѣняется въ *е*; напримѣръ сліоза, вмѣсто слеза.

Взаимная замѣна гласныхъ *і* и *ю*, напримѣръ: ма́тінка и ма́тюнка, у́тінка и у́тюнка.

Приставленіе, для благозвучія, гласныхъ буквъ, напримѣръ *и*, въ началѣ словъ, гдѣ встрѣчается стеченіе согласныхъ, напримѣръ: Ильвівъ, (городъ Львовъ) ильнувати, ильняний, иржа, ирвати, имла́.

Вставленіе *о* и *е* съ ихъ измѣненіемъ въ *і* въ словахъ, гдѣ стеченіе согласныхъ, напримѣръ: мозокъ, а не мозгъ, Дністеръ, а не Днѣстръ, и вообще болѣе частое употребленіе гласныхъ, чѣмъ въ великорусскомъ и несравненно болѣе чѣмъ въ польскомъ.

Замѣна старославянскихъ *ы* и *и* малор. *и* тамъ, гдѣ въ великорусскомъ онѣ переходятъ въ *о* и *е*, напримѣръ: шия, мию, а не шея, мо́ю.

Выбрасываются для благозвучія гласныя при ихъ стеченіи, напримѣръ, въ началѣ словъ: го́лка вмѣсто иголка, горо́дъ вмѣсто огородъ, вмѣсто искати говорится ськати и проч. и проч.

Взаимная замѣна *у* и *в* смотря по стеченію гласныхъ и согласныхъ, напримѣръ: уремъя и времъя, урагівъ и ворогівъ, удію и вдію, учинокъ и вчинокъ (напримѣръ: не мо́жу я такъ учинити, и такечки не мо́жу я вчинити).

Произношеніе буквы *в* въ значеніи сокращеннаго *у* и никогда, какъ въ великорусскомъ, за *ф*.

Губныя не смягчаются даже и тогда, когда за ними слѣдуютъ мягкія гласныя, напримѣръ: бъю, пъю, мъясо или мнясо, мъята, въязи. Съ этимъ соединяется вообще отсутствіе смягченія губныхъ буквъ: *б*, *в*, *м*, *п*, какъ напримѣръ въ словахъ: любовь, кровь, цер-

ковь, голубь, цѣпь, степь, по малорусски: любовъ или любва, кровъ, церква, голубъ, цепъ, чепъ, степъ (мужескаго рода).

Буква *г* непремѣнно всегда произносится какъ въ чешскомъ и словацкомъ нарѣчіяхъ, какъ латинское *h*; только немногія слова, какъ видно восточнаго происхожденія, имѣютъ звукъ *g*, напримѣръ: gудзикъ, gирлиа; также и западнаго: gнітъ, gанокъ, gонта.

Буква *ж* въ нѣкоторыхъ словахъ выговаривается какъ дж, напримѣръ: джбанъ, джутъ, джура, джерело́ или джорело, дженджуристий, а также и *з* какъ итальянское *z*, но независимо отъ польскаго *dz*; напримѣръ: дзвінъ, дзвоникъ и преимущественно въ звукоподражательныхъ или насмѣшливыхъ словахъ, напримѣръ: дзіндзіверъ (zinziwer), придзилеванка, дзиунець. Немногія слова измѣняютъ *з* въ *ж*, а *ж* въ *з*; напримѣръ: замзо, дразнити.

Измѣненіе буквы *г* въ *к* во многихъ словахъ для благозвучія, напримѣръ: торка́ти, брязкотати.

Употребленіе гортанныхъ *г*, *к* и *х* тамъ гдѣ въ великорусскомъ онѣ измѣняются въ шипящія, напримѣръ: текти, берегти, стерегти, бігти, могти (великорусскія: течь, беречь, стеречь, бѣжать, мочь); также въ словѣ проха́ти (просить); и напротивъ, замѣна ихъ шипящими тамъ гдѣ въ сѣвернорусскомъ онѣ употребляются; напримѣръ: ляжу (лягу), мо́жу (могу), бережи, стережи и проч. (великорусское: береги, стереги); а также и въ началѣ словъ: жену (вмѣсто гоню), гирло и жерело.

Измѣненіе гортанныхъ въ соотвѣтствующія имъ свистящія тамъ, гдѣ онѣ прикасаются со старославянскимъ *ѣ*, выговаривающимся въ малорусскомъ какъ мягкое *і*; напримѣръ: щоці, у лузі, катузі по заслузі.

Измѣненіе *л* въ *в* во множествѣ словъ, напримѣръ: човенъ, вовкъ, мовчати, жовтий, и во всѣхъ прошедшихъ временахъ глаголовъ.

Вставка буквы *л* во многихъ случаяхъ гдѣ въ великорусскомъ она выбрасывается; напримѣръ: сплять, мо́влють, роблють, плавлють, и проч.

Умягченіе, сообразно древнѣйшимъ формамъ, согласныхъ *т* въ третьемъ лицѣ глаголовъ настоящаго времени, множественнаго числа, напримѣръ: ходють, ба́чуть; и *ц* въ концѣ всѣхъ словъ: молодець, купець; и во многихъ словахъ на концѣ, напримѣръ: комарь, свинарь, вівчарь (нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ двоякое окончаніе, напримѣръ: малярь, и моляръ, пужаръ и пужарь); умягченіе со-

гласной *и* и предъ гласными въ концѣ словъ; напримѣръ: травиця, водиця, молодиці, хлопці (согласно славяно-церковному).

Перетасовка слоговъ, напримѣръ: тверезий, отъ трѣзвъ, намастырь, намисто, шевця, женця, капость, виринати, гонобля.

Образованіе существительныхъ, кончащихся на *енко* въ смыслѣ происхожденія, откуда возникло множество малороссійскихъ фамилій.

Множество уменьшительныхъ, напримѣръ: на онько, енько, онька, енька и проч. напримѣръ: козаченько, голубонько, дівчинонька, головонька, травоченька; отсутствіе великороссійскихъ окончаній, напримѣръ на *ушка* и другихъ, и польскихъ на *екъ, ечка* и на инчикъ; окончанія на *окъ* и *икъ* существуютъ какъ и въ великорусскомъ, но нерѣдко замѣняются одно другимъ; напримѣръ по великорусски ко́тикъ, по малорусски кото́къ, по великорусски конёкъ, по малорусски ко́никъ, по малорусски садо́къ, по великорусски садикъ. Множество другихъ окончаній, напримѣръ на ечко: вико́нечко, ненечко, лелечко, ма́тіночко.

Существительныя средняго рода на *я*, имѣющія окончаніе во множественномъ числѣ на *ята*, и уменьшительныя, составленныя изъ множественнаго числа на *ятко*, хотя не чужды совершенно великорусскому и равнозначительны польскимъ на ię, ięta или iątka, въ малорусскомъ любимы и употребительны даже для неодушевленныхъ предметовъ: дівча́, дівчата, дівчатко, дитята, кошеня, кошенятко, горщя, горщата, горщятко, кухля, кухлята, кухлятко, коліщя, коліща́та, и проч. и проч.

Образованіе изъ старославянскихъ словъ, кончащихся на *ль* съ предъидущею согласною, своеобразныхъ окончаній со вставленіемъ гласной, напримѣръ: журавель, корабель.

Окончаніе существительныхъ на *ка, га* и др., имѣющихъ большею частію смыслъ бранный или презрительный: гадюка, злюка, падлюка, пъянюга, волоцюга, козарлюга, катюга.

Окончаніе на *щі*, равносильное старославянскому и великорусскому на *сть*, напримѣръ: мудрощі, жалощі, любощі (какъ въ словѣ о плъку Игореву). Эти слова употребительны только во множественномъ числѣ, но есть нѣкоторыя и въ единственномъ, напримѣръ: кущъ, го́рдощи.

Удвоеніе, въ окончаніяхъ, согласной соединенной съ іотою, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ великорусскомъ (и другихъ славянскихъ) она не удвояется; напримѣръ: судля, багаття, знаття, каяття, вороття, подружжя, стручча, затишшя, насіньня или насінне, жабу-

риньня, діловання, гарбузиння. Сюда принадлежатъ и тѣ слова, которыя возникли этимъ способомъ изъ словъ славянскихъ на *іе* и *еніе:* спасеніе по малороссійски спасіньня, кореніе — коріньня, каменіе — каміньня, евангеліе — евангільля.

Отсѣченіе слога *инъ* въ словахъ, кончащихся на этотъ слогъ, напримѣръ: самаританинъ, римлянинъ, по малорусски самаританъ, римлянъ и проч., также книжное, вообще чуждое народа, его названіе малороссіянинъ, выговаривается малоросиянъ.

Сохраненіе гласныхъ въ именахъ оканчивающихся на согласныя, напримѣръ: Петро́, Павло́, Дніпро́. Вообще, въ противоположность великорусскому и польскому, малорусскій языкъ любитъ окончанія на гласныя.

Употребленіе винительнаго падежа сходно съ именительнымъ въ одушевленныхъ предметахъ, согласно древне-славянскому, напримѣръ: зібра́въ козакú, та вийшовши у поле, побивъ тата́ри.

Приставленіе разнаго рода придыханій: в, г, й, л, напримѣръ: вікно́, вінъ, гарапникъ, гармата, юлиця, ле́два.

Удержаніе въ косвенныхъ падежахъ гласной именительнаго падежа во многихъ такихъ словахъ, гдѣ въ великорусскомъ и польскомъ она выпускается, отчего происходитъ нетерпимое малоруссами стеченіе согласныхъ, напримѣръ: на ло́бі, у ро́ті, по лёду, крізь рови, вмѣсто: на лбу, во рту, по льду, по рвамъ.

Овъ измѣненное въ *івъ* въ родительномъ множественнаго числа; напримѣръ: волівъ, лугівъ (лѣсовъ), чоловіківъ; употребляется во многихъ случаяхъ, гдѣ въ сѣверноруcскомъ нѣтъ на *овъ*, напримѣръ: слугівъ, старостівъ, синівъ, братівъ, вмѣсто: слугъ, старостъ, сыновей, братьевъ.

Окончаніе родительнаго падежа единственнаго числа на *у* въ гораздо большемъ числѣ случаевъ чѣмъ въ народномъ великорусскомъ, напримѣръ: поіхавъ добува́ти ро́зуму; нема́ дощу.

Удержаніе старославянскаго дательнаго на *ові* и *еві:* бо́гові, козако́ві, коне́ві, и сходство дательнаго съ творительнымъ: на бо́гові, объ козако́ві, на до́брому коневі.

Удержаніе старославянскихъ звательныхъ на *о*, *е*, *у* и *ю*, напримѣръ: жінко, сине и сину, земле, ко́ню; а въ тѣхъ существительныхъ, которыя кончаются въ именительныхъ на гортанныя, въ звательномъ онѣ, согласно славяно-церковному, измѣняются въ *че*, *же*, *ше* и проч. напримѣръ: чоловікъ — чоловіче, во́рогъ — вороже, жонихъ — жоніше.

Кромѣ единственнаго и множественнаго чиселъ, въ малорусскомъ языкѣ многія формы двойственнаго числа несравненно сильнѣе, чѣмъ въ великорусскомъ и въ польскомъ языкахъ, напримѣръ: очима, дверима, плечима, грошима, у вічі, увъ ухахъ, и проч.

Сохраненіе въ прилагательныхъ окенчаній: *ий* и *ій* мужескаго рода съ отсутствіемъ усѣченнаго, а въ женскомъ и въ среднемъ длиннаго и усѣченнаго на *ая* и *а*, на *ее* и *е*: до́брий (нельзя сказать добръ), добрая и добра, добрее и добре; синій (нельзя сказать синь), синяя и синя, синее и сине. Исключеніе для мужескихъ родовъ составляютъ немногія въ пѣсняхъ, съ измѣненіемъ ударенія: зеленъ, молодъ, «пливе човенъ людей повенъ; но ихъ можно принимать скорѣе въ значеніи существительныхъ», чѣмъ прилагательныхъ.

Окончаній прилагательныхъ на *кий* гораздо больше чѣмъ въ великорусскомъ и всѣ онѣ, исключая уменьшительныхъ, имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, напримѣръ: швидкий, гнучкий, пруткий, говіркий, и проч.

Удержаніе въ прилагательныхъ во множественномъ числѣ для всѣхъ родовъ одинаковаго окончанія, какъ и въ славяноцерковномъ, и преимущественно въ усѣченной формѣ, напримѣръ: червониі и чорво́ні чо̀боти, ягідки, зѐрна.

Своеобразная форма числительныхъ именъ, напримѣръ: девъятірочко, дванадцятеро, двадцятеро и двадцятірко, тройко́, дво́йко, четвірко и проч.

Составленіе многихъ мѣстоимѣній на свой особенный ладъ, отличный отъ великорусскаго и польскаго, напримѣръ: той (тотъ, ten) и ті, цей, оцей (этотъ), що-вінъ (который), оттой (оный), який, деякий (кой-кто), абиякий (кой-какой), якийсь, наськиий (нашъ), васький (вашъ), свіський и проч.

Составленіе нарѣчій, предлоговъ и союзовъ на свой особенный ладъ, совершенно отлично отъ великорусскаго и польскаго. Напримѣръ, нарѣчія: такечки, тамечка, тутички: колись, деколи, инколи, ніко́ли, десь, відки, звідти, звідкіля, звідусиль, тоді, врядигоди, годі, байдуже, сількісь, досі, завширшки, вдовжъ, завдовшки, упоперекъ, мерщій, швидко, багато, чимало, онде, озьде, эге, навпростець, охляпъ, торікъ, позàторікъ, осторонь, знетільки, бігма, ліжма, навтікача, прожогомъ, чимдужъ, втямки, помацки, скрізь, паобічъ, зубічъ, нечля, бачця, сутужно, бізько, боязно, щодня, щоденно, навманя, вростічъ, доснаги, навкипередки, покіль, досхочу, конче, доконче, миттю, поплічъ, навпрямки, почасту, мовъ, мовлявъ, буцімъ,

удвійзі, навперейми, заздалегідь, заразъ, заразомъ, знечевъя, важко, гарно, гірше, мабуть, нехай, трохи, ніби, незгіршъ, генъ, геть, либонь, дуже и проч. и проч.

Нарѣчія качества принимаютъ сравнительныя степени также своеобразно, напримѣръ, на ішъ: гарячішъ, моторнішъ, дурнішъ; есть и другія окончанія: швидко имѣетъ швидче и т. п.

Предлоги: міжъ, поузъ, кри, зъ-попідъ, спідъ, спонадъ, біля, коло, изъ (съ), у (въ), крізъ, керезъ, відъ, и проч.

Союзы: або, бо (славяно-церковное), тай, ажъ, аже, коли, колибъ, що, шо, щобъ, лишень, хай, най, наче, саме, яко (церковнославянское), чи (тоже), чомъ, бакъ, дакъ, хочъ, ото и проч.

Спряженіе глаголовъ имѣетъ свои особенности, свойственныя только этому нарѣчію. Въ глаголахъ, оканчивающихся въ неопредѣленномъ наклоненіи на *ати* и *яти*, отсѣкается *ть* въ третьемъ лицѣ единственнаго числа настоящаго времени, съ оставленіемъ по произволу мягкаго *е* и съ отбрасываніемъ этой гласной, напримѣръ: думае и дума, хапае и хапа; но тамъ гдѣ предъ *е* не *а* или *я*, а *у* или *и*, то *е* не отбрасывается, напримѣръ: цілуе, а не цілу; такъ и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ предъ *е* согласная, нѣтъ измѣненія, напримѣръ: дише, плете. А тамъ гдѣ въ великорусскомъ третье лице множественнаго числа оканчивается на *ятъ*, въ малороссійскомъ — *ють:* ходють, при чемъ выпускаемая въ сѣверно-русскомъ и польскомъ буква *л* сохраняется, напримѣръ: сплять, роблють, луплють. Въ тѣхъ же глаголахъ, въ которыхъ неопредѣленное наклоненіе на *ити* и друг., форма третьяго лица можетъ сохранять букву *т* съ мягкимъ знакомъ и отбрасывать ее, перемѣняя *и* въ *е*, напримѣръ: ходить и ходе, бачить и баче, говорить и говоре; на Подоли же говорятъ: ходи, бачи. Въ прошедшихъ временахъ *л* измѣнилось въ *въ*: ходивъ, робивъ; причемъ во вторыхъ лицахъ удерживается славянская форма вспомогательнаго глагола: *еси*, *есте* (ходивъ еси, блудили есте), но тогда уже впереди глагола нѣтъ мѣстоимѣнія. Первое лицо множественнаго числа, согласно славянскому окончанію, оканчивается на *мо:* думаемо, ходимо, біжимо и проч. Въ будущемъ времени сохраняется старославянскій вспомогательный глаголъ *имамъ*, измѣняясь въ формы: му, мешъ, ме, мемо, мете, муть, которыя и приставляются къ неопредѣленному наклоненію, напримѣръ: ходитиму, любитимешъ, и проч. но также иногда употребляется и *буду*, особенно въ отрицательныхъ предложеніяхъ. Въ повелительномъ наклоне-

ніи, согласно славяно-церковному, удерживается особенная форма и для перваго лица множественнаго числа, которой нѣтъ въ великорусскомъ, напримѣръ: ходімъ, любімося и т. д. Во второмъ лицѣ множественнаго числа форма *ите* сокращается въ *іть:* ходіть, любіть, а не ходите, любите; причемъ нужно замѣтить, что мягкое *і* здѣсь измѣненное *ѣ*, которое всегда является въ повелительномъ наклоненіи въ старославянскихъ глаголахъ. Въ тѣхъ словахъ, гдѣ въ великорусскомъ гортанныя *г, к, х,* удерживаются въ повелительномъ наклоненіи, въ малорусскомъ онѣ измѣняются въ шипящія, напримѣръ: течи, бережи, стережи и проч., а не теки, береги. Точно такъ же и въ настоящемъ времени изъявительнаго наклоненія онѣ въ малорусскомъ измѣняются въ шипящія, тогда какъ въ великорусскомъ нѣтъ, напримѣръ: стережу, можу, бережу, а не стерегу, могу, берегу. Дѣйствительныхъ и страдательныхъ причастій настоящаго времени вовсе нѣтъ; хотя и встрѣчается нѣсколько словъ похожихъ на нихъ по формѣ, но онѣ имѣютъ значеніе прилагательныхъ, напримѣръ: видющий, ходячий. Зато употребительны дѣепричастія на *чи* и *ши*: бачучи, люблячи, ходячи, бігавши и проч. Какъ на особенность малорусскихъ глаголовъ можно указать на уменьшительные неспрягаемые: істоньки, питки, ходитоньки; въ этомъ языкѣ они разнообразятся на разные лады, напримѣръ: літатоньки, питусі, питусеньки, питунечки. Въ опредѣленномъ наклоненіи глаголовъ удерживается старославянская форма на *ти.* Возвратные глаголы, какъ и въ великорусскомъ, образуются чрезъ прибавленіе *ся,* которое переходитъ въ *ця* или сокращается въ *сь,* причемъ сохраняется *ть,* гдѣ въ дѣйствительномъ залогѣ оно отбрасывается, такъ напримѣръ: думаеться, колихаеться; но въ западной Малороссіи *ть* отбрасывается и нерѣдко *ся* ставится впереди глагола (ся хоче вмѣсто хочется; якъ ся маешъ?) что̀ отнюдь не заимствовано съ польскаго, но составляетъ старинную форму языка церковнославянскаго, употребительную въ лѣтописяхъ. Нѣкоторые глаголы, будучи въ великорусскомъ дѣйствительными, въ малорусскомъ принимаютъ возвратную форму, напримѣръ: гратися, присягатися, вмѣсто играть, присягать.

Въ словосочиненіи можно указать на слѣдующія особенности:

Два, дві, три, чотирі требуютъ не родительнаго падежа единственнаго числа, а именительнаго множественнаго числа: два козаки, чотирі голуби.

Падежи зависимые не сочетаются такимъ образомъ, какъ въ великорусскомъ и польскомъ, но родительный, напримѣръ, ставится спереди: «чесного батька дитина», а не сынъ хорошаго отца. Глаголы ставятся по большей части въ концѣ предложеній, и проч.

Нѣкоторыя слова имѣютъ другой родъ чѣмъ въ великорусскомъ языкѣ, напримѣръ: пилъ, степъ, чепъ, собака, путь, цепъ — мужескаго рода, евангелія — женскаго и средняго разомъ когда говорится: евангілья.

Законы ударенія иные чѣмъ въ великорусскомъ и совершенно несогласны съ польскими, напримѣръ: ко̀лесо, а не колесо̀, коро̀мисло, а не коромысло, висить, а не виситъ, візьмуть, а не возмутъ, держить, а не держитъ, нена́виду, а не ненави́жу. Въ множественномъ числѣ удареніе переносится на послѣдній слогъ: чарки, чарокъ, дівки, дівокъ, жінки, жінокъ и проч. Нарѣчіе учо̀ра имѣетъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, а не на послѣднемъ, какъ въ великорусскомъ *вчера; шкода* имѣетъ удареніе на послѣднемъ, а не на предпослѣднемъ какъ въ польскомъ. Кончащіяся на *енк* имѣютъ удареніе непремѣнно на *е:* миле́нький, веселе́нький, а не какъ въ великорусскомъ: ми́ленькой, весёленькой; прилагательныя на *кий* имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ: прудкий, швидкий, такий, важкий, гнучкий, боязкий, и проч.

Мнѣніе, будто малорусскій языкъ произошелъ отъ смѣшенія съ польскимъ, яснѣе всего опровергается тѣмъ, что въ немъ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ рѣзкихъ свойствъ, которыми отличается польскій языкъ отъ другихъ славянскихъ. Эти свойства: 1) dz, dż; его нѣтъ въ малорусскомъ, исключая звукоподражанія и притомъ не сообразно съ польскимъ; такъ слово дзиндзіверъ, въ польскомъ зинзиверъ; а въ польскомъ вовсе нѣтъ нѣкоторыхъ; сходное слово въ этомъ случаѣ съ польскимъ, дзвінъ (dzwón), въ срединѣ словъ всегда выговаривается твердо (какъ латинское), — ясно приняло въ малорусскомъ *дз* отъ звукоподражанія, 2) rz совсѣмъ нѣтъ въ малорусскомъ, 3) носовыхъ звуковъ не терпитъ малорусскій языкъ, 4) перехода t въ c нѣтъ въ малорусскомъ, 5) ударенія въ малорусскомъ разнообразны, тогда какъ въ польскомъ удареніе однообразно ставится на предпослѣднемъ слогѣ, 6) *ѣ* не растворяется въ *я*, какъ это дѣлается и въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ великорусскихъ, и проч. Еслибы малорусскій языкъ дѣйствительно составился изъ русскаго и польскаго, то конечно, вошли бы въ него польскія свойства.

Съ другой стороны, малорусскій языкъ не имѣетъ тѣхъ свойствъ, которыя служатъ характеристическими особенностями великорусскаго языка. Напримѣръ: *о* отчетливо сохраняется по церковно-славянски и никогда не измѣняется въ *а; е, ѣ* и *и* выговариваются отличнымъ образомъ, и сверхъ того всѣ показанныя отличія грамматическія и множество другихъ не заимствованныхъ изъ польскаго и не извѣстныхъ въ великорусскомъ; — не указываютъ ли ясно на самобытное, правильное образованіе особаго нарѣчія въ южной Руси, а не на случайное смѣшеніе?

Что̀ же касается до того, что въ малорусскомъ языкѣ находятъ много польскихъ словъ, то не опираясь легкомысленно единственно на ихъ подобіи съ польскими, слѣдуетъ различать: 1) тѣ слова, которыя будучи въ польскомъ, составлены въ малорусскомъ на свой образецъ, отъ такихъ, которыя вошли прямо изъ польскаго языка. Послѣдняго рода словъ до чрезвычайности мало и онѣ собственно не входятъ въ языкъ органически, а только иногда говорятся малороссіянами, перенявшими ихъ отъ поляковъ, и то преимущественно дворовыми на Волыни и Подоли. Такимъ образомъ, можно услышать слово «цнота», но это слово, какъ и много подобныхъ, произносится не такъ какъ малорусское, а какъ польское, съ сознаніемъ произносящаго, что это польское слово, и оно никакъ не можетъ войти въ языкъ, ибо противно языку по стеченію согласныхъ и по перемѣнѣ *т* въ *ц:* цнота есть измѣненное честность; по малорусски было-бы: чеснота, и всякій малоруссъ, произнеся это слово, скажетъ, что оно польское, а не малорусское. Нѣкоторыя же слова въ Червоной Руси, заимствованныя изъ польскаго, передѣлываются на русскій ладъ, но въ нашей россійской Малороссіи такихъ не принимаютъ, ибо ухо малорусса не можетъ не чувствовать здѣсь фальшиваго звука. Изъ тѣхъ словъ, которыя есть въ малорусскомъ и въ польскомъ, нужно напередъ отличить: дѣйствительно ли онѣ заимствованы изъ польскаго? ибо присущность ихъ въ обоихъ славянскихъ нарѣчіяхъ еще ничего не значитъ; такимъ образомъ разсуждая, можно дойти и до того, что русскій языкъ считать можно польскимъ или наоборотъ, ибо и въ русскомъ и въ польскомъ есть множество общихъ одинаковыхъ словъ, измѣненныхъ въ каждомъ нарѣчіи на свойственный ему ладъ. Здѣсь мѣриломъ можетъ быть сравненіе малорусскаго языка съ другими славянскими нарѣчіями, и если окажется, что слова, схожія съ польскими, есть въ другихъ нарѣчіяхъ, то ихъ нельзя безусловно признавать взятыми съ польскаго; при

этомъ нужно сравнивать эти слова и съ нарѣчіями великорусскаго края, такъ напримѣръ, слова: *шкода*, *шукати*, *хата*, *хилити* — казались бы съ перваго взгляда польскими, но онѣ встрѣчаются въ Новгородскомъ нарѣчіи на сѣверѣ и, слѣдовательно, не польскія; онѣ же есть и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Кромѣ этихъ словъ, надобно отдѣлить и всѣ тѣ, которыя есть въ малорусскомъ, славяно-церковномъ и великорусскомъ и которыя есть равно и въ польскомъ, такъ и тѣ, которыя есть въ малорусскомъ, церковно-славянскомъ и русскомъ и которыхъ нѣтъ въ польскомъ; наконецъ тѣ, которыя сохраняются въ одномъ только малорусскомъ и не имѣются ни въ польскомъ, ни въ великорусскомъ. Тогда останутся слова, которыя есть только въ малорусскомъ и польскомъ: только тѣ слова и можно считать заимствованными. Пока эта лексикологическая работа не произведена, нельзя дѣлать смѣлыхъ заключеній.

Вообще, о лексическомъ составѣ языка можно замѣтить, что въ малорусскомъ языкѣ бо́льшая часть словъ, конечно, — общія всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, но они составленны по законамъ малорусскаго языка; другая, огромная часть принадлежитъ исключительно ему и съ трудомъ можетъ быть найдена въ нарѣчіяхъ другихъ языковъ славянскихъ, а самый малый процентъ приходится на долю дѣйствительныхъ заимствованій изъ польскаго.